
Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ВЕЗУВИЙ ЗЕВ ОТКРЫЛ

Рассказ

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

А. Пушкин на картину «Последний день Помпеи»

Ей приснилось извержение вулкана. Представить мощный природный катаклизм в наше неустойчивое и чреватое катастрофой время было легко. И Оля представила. Вот масса густой тягучей лавы катится с горы, еще немного — и она окажется у самых ее ног, нужно бежать — иначе... иначе гибель. Но она, Оля, стоит — и не может сдвинуться. Не может бежать. Просто не может. Ноги не бегут...

Страшный сон вызвал мгновенное пробуждение. Она понемногу приходила в себя и осознавала то, что уже во время сна бессознательно понимала. После прошлогоднего падения, когда, задумавшись, она пропустила ледяную горку на асфальте и получила за это двойной перелом левой ноги со смещением, после того, как кость срослась, бегать она не могла. Это обнаружилось не сразу. Сначала нужно было просто научиться ходить. После долгого лежания с загипсованной ногой пришел черед освоения костылей, потом коляски, после — палочки. Очень хотелось, чтобы хромота прошла, не сказывалась на походке и не делала Олю «инвалидом». Больше всего на свете она боялась этого слова в применении к себе. И Господь помог, со временем походка выровнялась, и палочку Оля хотя и не выбросила, но поставила в самый дальний угол, чтобы не бросалась в глаза и не напоминала про время хромоты.

Она читала, что один большой российский поэт, в ранней юности упавший с лошади, всю жизнь должен был маскировать хромоту и даже придумал для себя какую-то специальную походку. Ей это не понадобилось. Видно, врач-хирург, молодой высокий американец с несколько высокомерным и отстраненным выражением лица, к которому ее направили и который лечил ее ногу много месяцев, был настоящий ас.

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор 18 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и зарубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

Правда, поначалу ей так не казалось. Она приходила к нему на перевязку — он снимал с ее ноги сначала гипс, потом марлевую повязку — и уходил. Начиналась такая жуткая «костяная» боль, что она не могла удержаться от крика. Звала врача, молила сделать ей хоть какое-то обезболивание. Но хирург, скорее всего, был в одной из соседних комнат у другого больного и приходил к ней не раньше, чем заканчивал осмотр пациента. Она к этому времени уже не кричала, а только подвывала слабым голосом и молилась той молитвой, которую знала с детства: «Господи, помилуй!» Муж, находившийся тут же, морально мучился вместе с нею и тщетно пытался успокоить и притушить ее крики.

Вернувшись, молодой врач быстро и ловко заворачивал ее ногу в кусок марли, она вдевала получившееся сооружение в специальный черный сапог и об руку с мужем покидала холодный кабинет и «бездушного» хирурга, в кабинете которого не было никаких обезболивающих средств.

В общем, Оля хорошо отделалась. Когда муж привез ее в отделение «Скорой помощи», по-здешнему, «Эмердженси», дежурный хирург-поляк, немного говоривший по-русски, рассматривая ее ногу, огорчительно покачал головой и проводил ее фразой: «Болче ни надо упадку».

Упала она в конце февраля не так далеко от их улицы, когда, задумавшись, перестала следить за дорогой. Потом ей говорили, что нужно было записать номер дома, рядом с которым произошло падение, и что по американским законам хозяева участка обязаны чистить снег и лед, в противном же случае они должны выплачивать штраф поскользнувшимся на их территории.

Но ей-богу, Оле тогда было не до хозяев и не до номера дома. Она упала прямо на ледяную горку, нога громко хрустнула, началась сильная боль, и единственное, что могло ее спасти, это айфон в кармане куртки, на экране которого она нажала на имя мужа. Шел дневной час, Алеша мог быть на «митинге» — так назывались у них совещания, — мог отлучиться в соседнюю лабораторию, но — на ее счастье, он оказался на месте и приехал очень быстро.

Идти она не могла, и он подхватил ее на руки и посадил на заднее сиденье. А в отделение «Эмердженси» ее доставили на носилках.

А потом начались долгие месяцы борьбы с болью и медленного, очень медленного излечения...

После заживления кости Оле назначили занятия с физиотерапевтом, опытной, уже немолодой американкой. Где-то в самом начале их занятий Оля спросила: «А бегать я когда-нибудь смогу?» Та решительно отрезала: «Нет, что вы, даже и не думайте, никогда».

И другая бы примирилась. Тем более что к бегу у Оли была природная нелюбовь. На обязательных кроссах и эстафетах в школе очень быстро переходила на шаг — главным образом из-за какого-то внутреннего протеста: вот не хочу заниматься этим нелюбимым делом, не хочу — и не буду. И их молодой симпатичный физкультурник, мало отличавшийся по виду от них, взрослых десятиклассников, и, как ей казалось, «положивший на нее глаз», легко прощал ей эту вольность... Отмечал время «прибытия» — и отпускал с богом.

С тайным неодобрением провожала Оля взглядом молодых и старых бегунов трусцой. В Бостоне, где они с Алешей обосновались, она могла ежедневно наблюдать цепочку их размахивающих руками фигур, бегущую вдоль оживленной трассы Commonwealth. Оля пожимала плечами: ей было невдомек, почему путь бегунов пролегал вдоль шумного, заполненного машинами шоссе, а не где-нибудь в парке...

С другой стороны, были в ее жизни и встречи с бегунами, внушавшими уважение. Одно время, когда они жили в небольшом городке в доме неподалеку от большой ле-

систой горы, летом во время вечерних прогулок они с мужем часто встречали раздетого по пояс бегуна. На вид было ему далеко за семьдесят. При этом был он худ и жилист, в его теле не было ни одной лишней жиринки. Старичком назвать его было трудно — разве что немолодым мужчиной. Обычно он обгонял Олю с мужем, не спеша поднимающихся в гору, со всего разбега, решительным приступом беря крутизну. А после, когда Оля с Алешей все так же неторопливо спускались с горки, они вновь могли видеть бегуна, в энный раз все с таким же азартом взбегавшего на гору. Оля восхищалась «упрямым бойцом», по-видимому не желавшим ни пяди уступить старости. Увидев его, она неизменно поднимала руку вверх и громко его приветствовала: «Hello champion!»

И вот теперь... Приснившаяся лава стала ее наваждением и одновременно стимулом: она должна суметь убежать от густой тягучей массы, заполняющей вокруг себя все пространство. Той самой, что на картине великого русского художника и в стихах великого русского поэта, ей посвященных, несет гибель обезумевшим от ужаса людям. И пусть рядом не было ни Везувия, ни еще каких-нибудь вулканов или даже просто гор (они давно жили далеко от лесистой горы, в другом городе и даже штате), страх однажды стать жертвой ужасного природного катаклизма поселился в ее душе и не оставлял.

Она, впрочем, знала, как его побороть. Нужно научиться бегать. Теперь каждое утро Оля начинала с попыток по-новому освоить составляющие бега. Ноги не слушались, возвращалась хромота, вместо бега получалось смешное неуклюжее подпрыгивание. Наблюдавший за ее упражнениями сын, приехавший из другого города в командировку, над ней посмеивался. «Ты, маманя, прежде крепче встань на ноги, не дай бог, снова упадешь...» Оба хорошо помнили, как всего несколько месяцев назад Гена катал Олю в инвалидной коляске по их улице и в парке, куда они втроем приезжали на уик-энд. Коляску вынимали из машины, Алеша ее складывал, помогал Оле в черном лечебном сапоге до нее доковылять, а Гена становился сзади и катил коляску с «маманей». Для Оли эти воспоминания были мучительны...

Сейчас Гена, при всей ее материнской к нему любви, также доставлял ей некоторый дискомфорт. Главным образом, своими рассказами. Приехав, за семейным обедом он сразу завел речь о только что прокатившемся по Америке землетрясении. В момент трясушки был он у себя дома, в Нью-Йорке, и на него чуть не свалилась полка в ванной. От этого случая он перешел к злоключениям своего приятеля из Флориды, который, путешествуя на суперлайнере на Багамы, попал в дикий шторм, а вернувшись в родную гавань, узнал, что его дом провалился в какую-то образовавшуюся в земле расщелину...

Гена рассказывал оживленно, как какой-то смешной анекдот, и совсем не замечал знаков, подаваемых через стол отцом, и того, в каком она, Оля, состоянии. А она, наскоро извинившись, выбежала из-за стола под недоуменным взглядом сына.

В конце концов Оля победила: она таки начала бегать и стала совершать ежедневный моцион — десять кругов по их небольшому одноэтажному дому — из спальни до кухни и назад. Бег доставлял ей неописуемую радость, так хорошо, как во время этих забегов, ей никогда не было.

Бегать на природе она не решалась, но однажды, когда на знакомой аллее никого не было, она решилась — и побежала. В этот момент сзади кто-то громко крикнул: «Не убежишь!» Оля в ужасе обернулась — аллея была пуста, скорее всего, крик ей померещился. Может, это голос Судьбы? Оля не была суеверна, но в Судьбу верила. В последующие дни она бегала только по дому... Одолевал страх: а вдруг снова услышит тот голос? И все же одним летним днем, придя на знакомую пустынную аллею, она побежала. И бежала довольно долго, пока хватало дыхания, радуясь, что в этот раз победа была за ней.